

История социологии «в лицах»: биография и/или биокритика

Обстоятельства жизни и труда помешали мне проявить активность, сопоставимую с активностью действительных членов незримого колледжа¹. Но оказавшись аутсайдером поневоле, я все же попытаюсь внести лепту в обсуждение проблем, занимающих их умы.

Часть первая - биография

Дискуссия, начатая в журнале «Телескоп» и на сайте «Международная биографическая инициатива» Д. Шалиным, Б. Докторовым и А. Алексеевым² охватывает два аспекта биографики или биографических (социобиографических) исследований. Одно из них – биография как таковая, с опорой на широкий круг источников: автобиографические интервью и повествования, семейные хроники, личная переписка, материалы народной генеалогии и другие личные документы. В процесс порождения этих текстов включилась современная техника. Фильм из 15 серий «Подстрочник» - жизнь Лилианы Лунгиной, рассказанная ею перед камерой – стал национальным событием. Чтения памяти В.В. Иофе (их организует НИЦ «Мемориал» в Санкт-Петербурге) имеют своей целью восстановить в нашем сознании поправное право на имя и биографию, которого были лишены жертвы сталинского террора.

Биографика поддерживает, в частности, усилия отечественных социологов, направленные на то, чтобы воссоздать историю советской социологии и тем вернуть ее в коллективную память профессионального сообщества. Ее возможности ярко раскрылись в «штудиях» последнего десятилетия минувшего века, «Песнь песней» Г. Батыгина - книга, посвященная социологии 1960-х годов, остается исторической энциклопедией нашей дисциплины³. Еще один пик развития биографики в истории отечественной социологии пришелся на вторую половину «нулевых» лет нового столетия. Парадоксально, но выдающуюся роль здесь сыграло «дальнее зарубежье» в лице Бориса Докорова и Дмитрия Шалина. Запал, с которым ведется наша дискуссия, дает основания надеяться,

---

¹ Появлением этого колледжа мы обязаны исторической рубрике на страницах петербургского журнала «Телескоп» (40 выпусков подряд в течение последних лет!) и сайту «Международная биографическая инициатива» в рамках Центра демократической культуры Университета Невады (<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>). На этой основе и образовалась эффективная международная (Россия, США, Украина) сеть социологов-профессионалов, которые с энтузиазмом разрабатывают методологию изучения биографий и методы использования биографической информации в историко-социологических исследованиях, а также отчаянно спорят об общих и частных проблемах путей развития этих исследований.

² Алексеев А. 30 лет «в строю» (Мое членство в КПСС) // Телескоп, 2011, N3. С 7-12; Шалин Д. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 3, 2011, с. 13-23; О «незримом колледже» и биографических интервью. Протокол дискуссии № 1 - на сайте проекта IBI http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.html.

³ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред. сост. С.Ф. Яромлюк. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

что «еще не вечер», и потому мы вправе ожидать новых победных известий с биографического фронта.

Так уж получилось, что в дискуссии, начатой А.Алексеевым, Д.Шалиным и Б.Докторовым, ее участники не столько разгребают толщи добытого социологами знания, сколько анализируют человеческие качества разных поколений социологического сообщества сквозь призмы судеб и биографий ученых. Первоочередное внимание к социологам советской поры здесь представляется вполне закономерным. Многие из них представляют «уходящую натуру». Интерес к «непознанному прошлому» говорит о стремлении восстановить утраченную, было, связь времен и тем сохранить преемственность как важнейшую предпосылку нормального развития нашей дисциплины.

Не забудем, что возрождение социологии в послесталинское время происходило с чистого листа. Сначала были взяты на вооружение западные методы, но лишь гораздо позже вспомнили про русскую социологию и ее богатое наследие, оставленное нашими предшественниками. В итоге, важнейший культурный ресурс был принят на вооружение с отставанием, после археологических раскопок курганов российской общественной мысли. Запрет, который партия в конце 1920-х гг. наложила на социологию, имел своим следствием свертывание профессионального образования, прекращение выпуска социологической литературы и рост амнезии коллективной памяти социологического сообщества. Мощный бионарративный поток, свидетелями и участниками которого мы все являемся, - явление в высшей степени положительное. Но наладить его удалось с большим трудом. На это ушли годы...

Ныне часть профессиональных социологов, вовлеченных в процесс рефлексии истории нашей науки, выступает в роли респондентов, другая, по преимуществу, выступает в роли интервьюеров, критиков и экспертов. Я признаю складывающееся разделение труда как некоторую данность. В конце концов – *Jedem das Seine!* Но среди насущных забот моих коллег, связанных с развитием современного «биографирования» (выражение Л. Козловой), я, следом за Шалиным, подчеркну необходимость и неотложность формирования консенсуса по поводу этической стороны дела. Для биокритика здесь важна установка Вольтера: «К живым следует относиться доброжелательно, о мертвых же нужно говорить только правду»⁴. Этой цитатой Шалин-дискутант подчеркивает, что история социологии «в лицах», которую мы стремимся создать и транслировать во времени, связана с решением не только методологических проблем, но и проблем этического свойства, которые имеют определенную власть над мемуаристикой, биографикой, биокритикой.

Этика биографирования должна исходить из примата прав респондента перед правами интервьюера (исследователя). Присоединюсь здесь к тому, что по этому поводу написал А.Алексеев, а я рискнул назвать «императивом Алексеева»: «Интервьюер имеет право на собственную точку зрения, которую может не скрывать (иначе это будет не беседа, а протоколирование). Но, в конечном счете, субъект биографии – хозяин своего жизнеописания и жизнеосмысления, равно как и мировосприятия»⁵.

Информант, пишет Л. Козлова, как бы принимая эстафету из рук А.Алексеева, придает своему рассказу такие форму и содержание, какие смог, какие посчитал нужным выбрать, предпочесть, используя свой интеллект, волю, характер, эмоции. «А потому

---

⁴ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина // Телескоп, 2011, № 3, с. 21.

⁵ «О «Незримом колледже и биографических интервью»
http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.html

социолог, считаясь с этим, не вправе как-либо влиять на волеизъявление человека при получении биографического материала, не вправе направлять или корректировать его, стремясь получить желаемые смыслы и руководствуясь своими задачами»⁶ Презумпция правоты респондента особенно важна в ситуации, когда отсутствует консенсус профессионального сообщества по поводу соответствующих правил научной этики.

Позицию Б. Докторов (респондент имеет право выстраивать свой образ без помех со стороны интервьюера) я разделяю полностью. Более того, я вижу, что эта позиция предопределила высокое научное качество докторовских интервью, обеспечила безупречную репутацию в глазах как десятков его респондентов, так и во мнении всего профессионального сообщества. Б. Докторов универсально гибкий человек, тонко чувствующий необходимость компромиссов и меру дозволенного самому себе в диалоге, понимающий психологию своего собеседника. Мне импонирует девиз человекоцентричного научного творчества Б. Докторов: «Я хочу, чтобы мои герои подали себя с лучшей стороны»⁷ В сущности следование этой формуле сделало его историком-биографом нашей науки номер один.

«Не судите, да не судимы будете!». Эти слова пришли мне в голову, перед явью изобилия биографических материалов и естественной потребностью коллег оценить их качество. Мне показалось, что при интерпретации истории нашей науки «в лицах», стремление понять жизнь информантов иногда сопровождается попытками внешних экспертов перекодировать эту жизнь по-своему, измерить ее собственным аршином, дополнить, если не заменить, экзистенциальную логику нарратива конструированием образа того или иного респондента, переходами на личность, что в общем случае сомнительно.

Покажу это на примере такой темы как принадлежность к КПСС, которая, кстати сказать, долгое время не включалась в картины нашего коллективного прошлого. Тема часто имеет латентный и многозначительный заголовок: «Человек меняет кожу». Социолога, вышедшего из партии, сравнивают со святым Августином, который нашел в себе силы сбросить оковы манихейства и встал на путь нравственного очищения от ереси. С другой стороны, мотив прозрения (что на самом деле, имело место) кому-то, кто не жил в то время, кажется далеко не единственным. Где гарантия, что это не очередное проявление мимикрии, равно как и других черт типичной советской наследственности? Ведь последняя, хотя и подвергалась мутациям, но продолжает сохраняться «в культуре приемлемых ролевых сценариев», а то и в форме «легенд» (по примеру разведчиков-резидентов в зарубежных странах), которые нужны лишь для того, чтобы «мутирующий» член КПСС имел возможность своими ответами поставить дымовую завесу и тем замаскировать от интервьюера свой истинный внутренний мир, свою истинную сущность. Одним словом, «не раскрылся» он перед сообществом (читателями), потому растерянно произносит: «я верил», «виноват, лукавый попутал», не в силах (или, не желая) дать внятные объяснения своим современникам. Хорошо зная многих респондентов, представителей первых поколений советской социологии, чьи интервью стали общедоступными благодаря сайту ИВИ («Международная биографическая инициатива»), «Социологическому журналу», «Телескопу» и другим источникам и изданиям, я могу утверждать, что у них не было нужды прибегать к намеренным искажениям собственного жизненного пути.

---

⁶ О «Незримом колледже» и биографических интервью
http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.html

⁷ Цит. по: Шалин Д. В поисках нарративной иденитности... // Телескоп, № 3, 2011, с.:20.

К моему пребыванию в партии (1951-1991 гг.) я отношусь как к факту собственной биографии и потому никогда не пытался ретушировать, а тем более, маскировать его. Об этом я подробно написал в книге «Разномыслие в СССР». Потому всех желающих видеть меня «в партийных одеждах» я адресую к этому сочинению⁸. Скажу здесь, вступая в дискуссию, что я не испытываю чувства неловкости и стеснения от того, что занимал партийные должности и демонстрировал высокий уровень общественной отзывчивости. Усвоенные с детства, благодаря родителям, нравственные правила человеческого общежития помогли мне «не оступаться» во многосложных отношениях с окружающими меня людьми. Те же правила побудили меня на определенном витке жизни поставить перед собой вопрос, каким целям я служу, нося в кармане партийный билет. Членство в партии всегда было результатом моего сознательного выбора, и я несу ответственность за него перед самим собой. Даже в нынешний век самодельного политического плюрализма и плохонькой демократии с трудом могу представить себе другую «инстанцию» для суда над собой, чем та, которую я назвал. Потому, кстати сказать, всегда считал атактистическими, не гуманными, нелегитимными проявлениями бесправия требования «раскрыться перед партией», которые часто звучали на партийных собраниях и заседаниях партийных бюро при обсуждении персональных дел коммунистов.

Лакуны исторических сведений (повторюсь, я имею в виду прошлое отечественной социологии), о которых думают и пишут многие участники дискуссии, дело естественное и я бы особенно не печалился по данному поводу. Нужна очень высокая степень доверия к исследователю (интервьюеру) со стороны респондента, чтобы он, к примеру, заговорил о действительных мотивах эмиграции в годы советского режима. Решения о выезде принимались не только отъезжающим социологом, но и его семьей. Насколько я знаю, это были нелегкие, непростые решения, подчас требовавшие личного мужества, воли, целеустремленности, и готовности вступать в битву с Голиафом (в лице советской системы) и преодолевать разного рода барьеры-капканы, изошренно расставленные властью и ее многоликими «органами». Человечески подходя, надо понимать, людей. Им просто трудно и неприятно вспоминать пытки бесправия и унижения, которым они подвергались при выездах за рубеж на постоянное местожительство. Строго говоря, здесь нет тайн, над разгадкой которых следовало бы думать. Здесь не нужны признания, облегчающие душевные страдания эмигрантов-ученых. Здесь собственно профессиональные факторы могли иметь относительно малый удельный вес в сравнении с общим мирочувствием простого или вовсе не простого, без разницы, советского человека, решившегося встать на эмигрантскую тропу.

Понять мотивы и причины отъезда можно и без особых герменевтических процедур, поскольку едва ли не все ответы на загадки личности, покидающей свою родину, укоренены в общественных условиях жизни страны в тот момент. Как писала молодая женщина, 25 лет от роду, уже сегодня решившаяся на этот шаг и опубликовавшая свой манифест в Интернете, она, предвидевшая, что ей будут возражать, говорить, что не все так страшно, что надо сражаться за свое счастье, за светлое будущее, заранее продумала свой ответ. Приведу лишь те ее мысли, которые она захотела выделить как квинтэссенцию своих настроений: «Я не хочу светлое будущее, я хочу спокойное настоящее... Хочу делать хорошо и качественно то, что умею, потому что мне, как кажется, именно такой принцип должен быть основополагающим любого государства. Но я хорошо выполняю свою [работу], не ворую, не беру взяток, уважительно отношусь к окружающим людям... Повторяю, я не имею желаний, ни физической возможности для того, чтобы бегать по площадям с флагом в зубах, устраивать стычки и драться с полицией. Я просто хочу спокойной жизни. Но я не хочу терпеть... Почему все время

---

⁸ Разномыслие в СССР. 1940-е – 1960-е годы. История, теория и практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Петербурге, 2008, с. 421-428.

надо терпеть? Ради могил предков? Так их память у меня в сердце, а не в земле. Ради березок? Березы растут практически повсюду. Ради родного города? Да, это аргумент, однако мой город (Петербург) уже много лет на разграблении у осатанелой шайки чиновников... Естественно, я не мозг, который утекает. Я обычный человек, который хочет обычной жизни. В чем тут предательство-то?»⁹

Возьму на себя смелость сказать, что в таком же экзистенциальном ключе думали и рассуждали социологи, кого наша память числила все эти годы под именем эмигрантов. Разве что синдром причин был иным, чем сейчас. Установить их первоначальный контур – дело, зависящее от специалистов по советской истории.

Нет особой завесы над тем, как воспринимались отъезды теми, кто оставался на своей исторической Родине. Реакции «провожающих» были разными: в диапазоне от сочувствия, поддержки, осознания невозможной утраты до обвинений в измене и проклятий. Д. Шалин обозначил этот спектр, освежив в нашей памяти впечатления советских лет. Биографии не скажут того, что в одночасье можно было бы обнаружить в архивах ОБИР'а (если документы, на основе которых «выпускали» за рубеж, не уничтожили в период перехода от несвободы к свободе). Искомая нами истина «притаилась» в выездных делах. К ним должно быть привлечено внимание социологов-следопытов. Автобиографические повествования, при всем моем почтительном отношении к ним, здесь мало что дадут, за исключением сюжетов-«вспышек», которые даже case-study не назовешь. Говоря о себе в том времени, скажу, что в коллективных обсуждениях отъезжавших, мне принимать участие не приходилось. С «грешными мыслями» двух коллег, обратившимся ко мне за советом, в трудную для них минуту выбора судьбы, я согласился без внутренней борьбы с самим собой. Было это в перестроечную пору.

Я отчетливо осознаю, что, отвечая на вопросы о партийности социологов или об их «несвоевременных мыслях», связанных с эмиграцией, те или иные респонденты могли не оправдать ожиданий интервьюера, как известных участникам диалога, так и оставленных интервьюером «при себе». Выход из такой ситуации я вижу один – продолжать поиск истины, пытаясь ее обнаружить в ответах других людей. Сооружать сети словесных уловок и ловить респондентов на «смещениях акцентов», пытаясь загнать их в капкан исследовательского замысла – значило бы грубо нарушать научную этику. К формуле Олега Божкова [«Социолог не следователь, его задачей не может и не должно стать уличение (изобличение) информанта в искажении фактов, в сознательном или бессознательном обмане (а биографические данные чаще всего искажаются именно бессознательно)¹⁰»] я бы мог добавить вполне современное расширение. Социолог не хакер, чтобы пользуясь современными технологиями сбора первичной информации, взламывать сознание респондента. Его целью не может быть извлечение биофактов, которые респондент не счел нужным предать гласности. Социолог – не духовник, чтобы расспрашивать респондента-прихожанина на исповеди, заставляя его каяться в грехах, отпуская их перед святым причастием. Не забудем, что исповедь является таинством, тщательно оберегаемом канонами конфессии от чужого взгляда. С другой стороны, возможность выражения душевных убеждений и признаний не противопоказана интервью как одному из жанров общения между людьми. Но я бы не рискнул возводить такие случаи в норму или в канон. Удача, как известно, сопутствует не всем. Здесь многое зависит от внутренней расположенности респондента предавать гласности, публичности

---

⁹ Девять причин, по которым я уезжаю из России
http://www.gazeta.ru/realty/2011/08/17/17_e_3735725.shtml.

¹⁰ Цит по: Шалин Д. В поисках нарративной идентичности... // Телескоп, № 3, 2011, с. 21.

свои помыслы. Имеет значение образ интервьюера в глазах респондента. Напомню русскую поговорку, при помощи которой В. Даль объяснял значение исповеди в человеческом общежитии и языке: «К сонному попу на исповедь не ходят»¹¹. Было бы трюизмом повторять вслед за Олегом Божковым, что для бионарративных практик по-прежнему остается наиболее актуальной постановка вопроса о соотношении событий индивидуальной жизни с событиями историческими или с жизнью социума, а не копание в душе биографанта.

Часть вторая: биокритика

Дискуссии в журнале «Телескоп» и на сайте МБИ дает основания говорить, что в недрах биографики сложилось еще одно направление анализа широко понимаемых биографических материалов, названное ее автором (Д.Шалиным) **биокритической герменевтикой**¹². Д. Шалин в своих обоснованиях «биокритики» предлагает построить ее путем обращения и использования ресурсов культуры и теории. В основе его подхода лежит предложение расширить феноменологию явлений, к которым традиционно обращается биографика. Ибо цель биокритической герменевтики – практическая реконструкция объективной реальности путем непрерывной триангуляции, сопряжения как дискурсивных, так и аффективно-соматических и деятельностно-воплощенных форм. Д. Шалин апеллирует при этом к античным биографам, которые, составляя жизнеописания своих современников, исходили из структурного представления о человеческом существовании, деля его на *vita activa*, *vita contemplativa* *vita voluptosa*, соответственно поведение и деятельность, духовная жизнь и мир эмоций, страстей, плотских вождлений. Обращение к этим идеям расширяет исследовательское поле, границы которого теперь могут оказаться в непосредственной близости к зонам экзистенциального существования человека, табуированным нормами и правилами не только древней, но и современной культуры, куда «посторонним вход воспрещен». И все-таки, и в этом состоит пафос его утверждений, если наши настроения (здесь Д. Шалин имеет в виду, прежде всего, эмоциональные деформации человека - нетерпимость, чванство, жестокость и насилие) во многом определяют наше историческое бытие, то перестройка общества, его изменение к лучшему возможны только в одном случае. Это – «одновременная трансформация эмоциональных, деятельностных и дискурсивных практик людей данной эпохи», направленная на становление эмоционально-интеллигентной демократии¹³. Разум должен взаимодействовать с аффектом, обуздывая и побеждая его. Отсюда и установка на то, чтобы сквозь «оптику» биокритической герменевтики, увидеть и понять многослойные и многомерные переживания жизни человеком.

Сам максималист по своему характеру, я не могу препятствовать тому, как Шалин ищет и находит новые духоподъемные задачи для социологического поиска. По этой причине я не стану критиковать «громადье» его планов и предложенную им программу развития новых идей. В одном из своих комментариев к теме биокритики он тонко подметил, что люди не обязательно располагаются по силовым линиям социального поля (подобно железным опилкам в опытах-демонстрациях земного магнетизма). Этой фразой обозначается витальная потребность социологии прирастать знанием, полученным из

¹¹ Даль В. Толковый словарь живого русского языка. Том второй. – М.: Русский язык, 1989. С.54.

¹² См.: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin/bh_theses.html, а также; Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008/2009 и не только. Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 2. – СПб.: Норма, 2010, с. 414-420.

¹³ Цит. по: Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог, Т. 2, с. 417.

резервов других научных дисциплин, потеснить упрямый, самодостаточный и самовлюбленный социологизм, лишив его почвы, в которой он длительное время прорастал и порой давал «неплохие урожаи».

Свидетельством такого рода перемен я считаю историко-биографический поворот, который осуществляет наша дисциплина. Любая история (история советской социологии здесь не составит исключения), подобно окружающему нас миру, является плодом нашего воображения. «Это не значит, что ничего из того, что рассказывают историки, не происходило в действительности. Это значит, что происходившее в действительности становится историей лишь в той мере, в какой попадает в область разума и преобразуется в ней. Разум определенным образом полагает эмпирическую действительность, превращая ее в собственное произведение – историю»¹⁴.

Эволюция историков в сторону признания собой роли субъективности социального исследователя имеет важное общенаучное значение. В этом случае объекты научного познания являются ничем иным как конструктами сознания познающего субъекта. «Исторические факты, как и факты физические, мы воспринимаем сквозь призму форм нашего разума»¹⁵ - писал один из создателей школы анналов, французский историк Люсьен Февр, который внес заметный вклад в имплантацию конструктивистской идеи в историографию.

Правда «конструктивистская гипотеза» имеет несколько версий¹⁶. Позитивистскую версию отличает жесткая дихотомия, разделение познающего субъекта и объекта познания. История здесь понимается как продукт сознания историка, который только и может, при соблюдении определенных условий, приблизиться к истине. Постмодернистская версия настаивает на том, что мир дан нам только в языке и благодаря языку и потому наши представления об истории являются результатами действия «лингвистических протоколов», с помощью которых происходит порождение исторических текстов. Наконец, герменевтическая версия отталкивается от того, что история является результатом действий людей, наделенных сознанием, и потому воспроизводит формы их сознания. В таком случае целью исторического исследования является *понять* сознание действующих в истории людей. Аналогичную цель преследует социолог-биограф, когда он ориентируется на изучение прошлого, «того, что было на самом деле».

Однако переход социолога под знамена герменевтики, даже если понимать ее в общеупотребительных смыслах, является далеко не простым делом (сужу об этом по себе и никому не навязываю своих ощущений). Приведу эти смыслы для того, чтобы облегчить выбор «единственно правильного» (совсем как на ЕГЭ!). Канонические определения рассматривают герменевтику как традицию и способы толкования многозначных и не поддающихся уточнению текстов (большой частью древних), как учение о понимании (наделенном статусом духовно-душевного переживания), являющемся основой гуманитарных наук (в отличие от объяснения в естественных науках). Она же, герменевтика, является учением о восстановлении первоначального смысла, искусством и теорией истолкования текстов, восходящим к античности в первоначальном значении слова, или учением о понимании смысла высказывания другой индивидуальности (учением о познании личности говорящего и ею познанного).

---

¹⁴ Копосов Н.Е. Как думают историки. – М.: НЛО, 2001. с.8

¹⁵ Цит. по: Копосов Н.Е. Как думают историки. – М.: НЛО, 2001. с.9-10.

¹⁶ См: Копосов Н.Е, указ. соч., с.218-219.

Неоднозначно (как я понял, проведя много времени в Интернете) толкуют герменевтику и научные авторитеты, на чьи мнения ориентируются социологи с «догерменевтическим» опытом познания явлений природы и общества¹⁷. По мнению Ю. Хабермаса, герменевтика как критика идеологии должна раскрыть на основе языка средства господства и социальной власти, служащие оправданию отношений организованного насилия. По Г. Гадамеру, герменевтика приобретает функции онтологии, поскольку бытие, которое может быть понято, есть язык социальной философии, а понимание есть форма общественной жизни и критики идеологии. Ближе к миссии и задачам биокритики оказался В. Дильтей. Для него герменевтика является не больше и не меньше, как «интерпретацией сохранившихся в тексте остатков человеческой жизни». Но он довел ее значение до метода общественных наук, призванного обеспечить понимание общественных событий, исходя из субъективных намерений исторических деятелей. В последнем случае макроподход В. Дильтея в полной мере согласуется с более скромными целями биокритики, изучающей историю нашей дисциплины. Мы действительно обнаруживаем в текстах биоинтервью лишь «микрочастицы», срезы, части, элементы жизненного процесса, как бы заранее соглашаясь с теми ограничениями, которые а priori включает в себе принятый на вооружение метод.

Впрочем, не стану сбиваться на пессимистическую ноту. Благодаря биографированию нам удалось восстановить многие страницы советского прошлого нашей дисциплины. Первые опыты биокритики оказались весьма успешными, но они опираются (пока) на профессиональные каноны биографического интервьюирования. Изыски и шедевры биокритической герменевтики в этих опытах не просматриваются. Такой вывод характерен для той стадии развития ее идей, на которой мы находимся. Но все же рост числа сторонников биокритики зависит от скорейшего прояснения методов герменевтических «штудий» и демонстрации их познавательных возможностей. Бросается в глаза, что разделы биокритического манифеста Д. Шалина, посвященные методам, не столь прозрачны и конкретны¹⁸, как части его концептуальных построений. В частности, там он пишет о принципах прагматической семиотики и методах обратного (реверсивного) редактирования, которые позволяют сопоставить отредактированную версию нарративной идентичности с событиями, невошедшими в бионарратив, и обнаружить альтернативные возможности объективации¹⁹. Я в данном случае не придираюсь к словам, но все же таинств и преимуществ герменевтического подхода такая скоропись не раскрывает. Итак, предмет биокритики вполне обоснован (некоторая вполне определенная, априорная рассогласованность поведения, мыслей и эмоций респондента, обнаруживаемая в биографических текстах). Остается столь же убедительно объяснить всем «новообращенным в герменевтическую веру», какими методами обеспечивается валидная фиксации этой рассогласованности.

В заключение, я бы хотел поставить два вопроса, вынеся их за скобки дихотомии биографии и биокритики. Первый - я бы назвал по-старинному: о светском характере научной, в том числе социологической деятельности. Светский, если прибегнуть к В. Далю, значит земной, мирской, суетный, гражданский. Светское начало противопоставляется религиозному, подобно тому, как светская власть – власти церкви, выступающей в роли социального института. Имея в виду эту антиномию, я уже сказал выше, что светское интервью, проводимое представителем эмансипированной науки, не может быть *исповедью* респондента, вне зависимости от степени его (респондента)

---

¹⁷ Герменевтика Ф. Шлейермахера, Х.-Г. Гадамера, В. Дильтея <http://www.scriu.com/13/52237689695.php#>.

¹⁸ См.: Шалин Д. Тезисы к концепции биокритической кибернетики // Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог, Т.2, с.414-417.

¹⁹ Там же, с.415.

религиозности. Научная этика и религиозная (конфессиональная) этика не являются тождественными, они не совпадают, как не совпадают смыслы житийной литературы и тексты «мирских» автобиографий. Тот факт, что я удостоился у Шалина косвенного сравнения со Святым Августином, побудил меня прочесть всемирно известную книгу «Исповедь»²⁰, сопровождаемую хорошим научным аппаратом²¹, адресованным, быть может, не столько историкам философии и религии, сколько атеистам (включая сюда и меня), составляющим по-прежнему большинство нашего общества.

Житийная литература к концу 4 в. н.э. имела традицию. Это были рассказы о несхожих частях жизни: трудный путь к истине, внезапное озарение и нисхождение благодати²². Название «Исповедь» (Confessions или Признание) объединило в себе три измерения, три аспекта понятия – покаяние в грехах, благодарение Творцу и исповедание веры²³. К некоторому итогу, подобному тому, к которому пришел Августин, должен был, по его мысли, придти всякий христианин, Иное дело, всякий ли мог так это «прожить» и выразить.

«Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского» (она, для справки была написана в 394-401 гг.) находится у самых истоков автобиографического жанра, а сам Августин может быть назван его основателем. Это первая «настоящая» автобиография, где все виды этой разновидности рефлексии жизни представлены наиболее полно и концентрированно. По мнению Георга Миша, автора фундаментальной «Истории автобиографии», изданной в Германии в конце 1940-х гг., здесь мы имеем дело с естественной формой выражения индивидуального человеческого опыта. Формула канонической автобиографии – тождество автора повествования с тем личным опытом, который он описывает, и сквозь который он смотрит на мир. Однако непременным свойством отношения «я – мир» является высокая степень самосознания и предельная искренность. Добавлю сюда тончайшие и изощренные средства выражения, особый язык (образы, тропы, метафоры, игра слов, неологизмы), несмотря на постоянное ощущение дефицита слов. Однако главное свойство «Исповеди», что делает ее *недостижимым* образцом глубинной рефлексии жизни, находящейся во власти подлинного религиозного чувства, состоит в том, что у Августина глас совести звучит на предельной высоте, которая единственно уместна перед лицом Творца²⁴.

В контексте прагматических и земных отношений, какие существуют между информантом (респондентом) и интервьюером (исследователем) не может быть и тени расчета на появление уникальных автобиографических повествований высшего типа, каким остается творение блаженного Августина. Исследователь не властен над исповедью «внутреннего биографа» – единственного, кому ведомо то, что не в силах выразить и описать ни один другой человек. По этой причине социологу остается терпеливо ожидать повторения «небывалого» биографического чуда, зависящего от феномена, которое мы давно и привычно называем самосознанием.

Второй вопрос, который я хотел бы обозначить, заключая свою статью, связан с эзотерическим понятием ментальности. Видный деятель первой волны русской эмиграции

---

²⁰ Аврелий Августин. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М: Renaissance, 1991.

²¹ См. в частности: Столяров А.А. Исповедь. История создания. Жанр. Проблемы достоверности // Аврелий Августин. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М: Renaissance, 1991, с. 377-383. Его же. Аврелий Августин. Жизнь. Учение и его судьбы // Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М: Renaissance, 1991, с. 5-50.

²² Исповедь Блаженного Августина, с. 377

²³ Там же, с.378.

²⁴ Там же, с. 379.

В. Вейдле писал, нам в назидание, в середине XX века, что русский человек не считается с тем расстоянием, которое отделяет его от себе подобных. «Здесь корни не только панибратства, но и бесчеловечной жестокости»²⁵. Вторгшись в чужое пространство, нарушитель границы не замечает, что он находится на суверенной территории Другого. Эта ментальная привычка одна из причин неоправданно жестоких репрессий власти в отношении своих сограждан в советский и более отдаленные периоды истории. Каратели всех мастей и эпох редко и с трудом воображали себя на месте своих жертв, будучи, едва ли не генетически, лишенными способности к эмпатии.

А вот ментальность англичан прямая противоположность нашей. Канон англичан - соблюдение дистанции между людьми, англичане вежливы, но обходятся без эмоциональных выплесков. Даже после нескольких лет общения это сближение никогда не становится тесным, - рассказывал в своем интервью бывший ректор, а ныне Президент Московской высшей школы социальных и экономических наук Теодор Шанин. Они берут за правило держать дистанцию хотя бы уже потому, что не знают, насколько другой человек хочет этого сближения. Там молчать с человеком, продолжил Шанин свои комментарии, значит демонстрировать к нему уважение, чувство близости и добрые отношения, в то время как в России бояться пауз и стремятся их обязательно заполнить. «Абсолютно нормально по английским правилам, что человек сидит в пабе и молча, пьет вино при том, что вокруг люди, да и сам он не в плохом настроении»²⁶. Далее Т.Шанин приводит интереснейший пример: «Типичное и нормальное явление, когда пять англичан сидят в поезде на небольшом расстоянии друг от друга, и каждый читает свою газету, не поднимая глаз. Главное у них – это не чопорность или нежелание иметь связь с другими. Главное – считаться с тем, что твой сосед может не хотеть с тобой говорить, поэтому заговорить с ним может быть невежливо».²⁷

Выходит, что респондент прав не только тогда, когда он говорит, но и тогда, когда он молчит. Призываю своих коллег к уважению и защите всех прав респондента!

Сентябрь 2011 г.

Фирсов Борис Максимович,
профессор, доктор философских наук,
главный научный сотрудник ЕУСПб,
e-mail: firsov@eu.spb.ru

---

²⁵ Вейдле В. Задача России. – New York: Chekhov Publishing House, 1956. с.138-139.

²⁶ Борусяк Л. Videобеседа с Т.Шаниным. Часть 2. Перекресток мира. 25.09.2009 г.

Yzroslye\ПОЛИТ_РУ АНАЛИТИКА Перекресток мира\polit120text_1.files

²⁷ Там же.